

Н.А. Александрова

Народы России

Выпуск второй

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.А. Александрова**
Народы России: Выпуск второй / Н.А. Александрова – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 262 с.

ISBN 978-5-458-12083-8

Этнографические рассказы для детей. Иногородцы лесов (Сибирь)

ISBN 978-5-458-12083-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ленькую крѣпостцу, — и отсюда снова стали развѣдывать пути дальше и дальше. Одни направлялись рѣкой Колымой и по Сѣверному океану на востокъ, другіе-же черезъ Чукотскую и Коряцкую земли за Анадырь. Такъ, смѣлый казакъ Семень Дежневъ, отплывши по Колымѣ, объѣхалъ по Сѣверному океану сѣверовосточную оконечность Азіи, и первый такимъ образомъ открылъ проливъ, раздѣляющій Сибирь отъ Америки и названный уже потомъ Беринговымъ. Въ это-же время прошли слухи и о Камчаткѣ: русскіе впервые узнали о ней отъ покоренныхъ коряковъ, которые часто откочевывали съ оленями въ Камчатку; а потомъ прошелъ слухъ и объ одномъ русскомъ промышленникѣ Ѳедотѣ Алексѣевѣ, ѣздившемъ ради промысла вмѣстѣ съ Дежневымъ на Ледовитый океанъ. Баба Ѳедота Алексѣева, отбитая Дежневымъ отъ коряковъ, рассказывала, что отправился Ѳедотъ Алексѣевъ по Колымѣ въ Ледовитый океанъ на семи кочахъ, что кочи эти занесло бурей къ камчатскимъ берегамъ, и Ѳедотъ Алексѣевъ, прозимовавъ въ Камчаткѣ, умеръ отъ цыги, а всѣ его товарищи убиты дикарями. Вмѣстѣ съ этимъ шла и другая молва о томъ, будто камчадалы были сначала покорны Ѳедоту Алексѣеву, и, называя русскихъ по ихъ огненному оружію, огненными людьми, почитали русскихъ промышленниковъ выше смертныхъ; но, увидѣвши разъ, какъ одинъ русскій

зарѣзаль другого, убѣдился такимъ образомъ, что и русскіе смертны, и, чтобы избавиться отъ страшныхъ гостей, всѣхъ до одного истребили. Баба Ѳедота Алексѣева рассказывала, впрочемъ, что нѣкоторые изъ промышленниковъ спаслись, и бѣжали на лодкахъ, неизвѣстно куда, въ океанъ.

Въ такомъ родѣ ходила по Сибири первая живая вѣсть про Камчатку. Но что за земля Камчатка, какъ она велика, чѣмъ богата, что въ ней растетъ, что водится, и что, наконецъ, за люди, — населяющіе ее дикари, — объ этомъ не было и рѣчи. Представлялась, вѣроятно, она русскимъ, по словамъ коряковъ, такой-же суровой и холодной, какъ и земля чукчей, такой-же мертвенной и ужасной, какъ тундра, и, какъ промышленники, такъ и казаки далеко за Анадырь идти не рѣшались. Первый, кто проникнулъ въ Камчатку, — это былъ казакъ Атласовъ. Въ 1605 году онъ двинулся съ шестюдесятью другими казаками внутрь самой земли; прошелъ ее вдоль и поперекъ, собралъ съ дикарей дань, завладѣлъ нѣсколькими острожками (поселками); и тутъ впервые русскимъ пришлось увидѣть такую землю и такія въ ней чудеса, о которыхъ въ Сибири и слышать еще никто не слыхалъ.

Сначала, какъ идти съ Анадыри на полуостровъ Камчатку, стелется повсюду та же промерзлая тундра, что и въ землѣ коряковъ, и встрѣ-

чаются тѣже голые камни и скалы, что и въ странѣ чукчей. Лѣсъ попадается изрѣдка, и сперва являются, въ видѣ отдаленныхъ передовыхъ постовъ, низкорослыя лиственницы, ель и береза. Одна изъ нихъ побольше, какъ въ ростъ человѣка, другія сгорбленными и уродливыми фигурами прищипли, точно кустарники, къ землѣ; въ одномъ мѣстѣ лежитъ, невыдержавшая напора сѣверныхъ холодныхъ бурь, тончая ель, обнаруживъ свои слабыя и маленькія корни; въ другомъ — круглой маковкой виднѣется одинокая лиственница, похожая издали на сигнальный подорожный шестъ, на который обыкновенно привязывается въ Сибири пучекъ мха; тамъ опять, точно кладбище, торчитъ семья черныхъ лѣсныхъ труповъ; а то деревья спрятались въ небольшой котловинѣ и образовали маленькій островокъ; иные вытянулись по направленію береговъ рѣки и сомкнулись, точно немного дружиѣ и бодрѣ; повсюду онѣ также тощи и хилы и также мрачны и безжизненны, какъ и все окружающее. Укуталося каждое деревцо густой сѣткой неудавшихся, засохшихъ вѣтвей или сучьевъ. Величиной и ростомъ кажется это деревцо молодымъ; на самомъ-же дѣлѣ оно, промучившись два-три вѣка, — не больше, какъ преждевременно состарилось; со дня самаго рожденія оно существуетъ между жизнью и смертью. Тонкій стволъ его, толщиной въ человѣческую руку, покрытъ сверху до низу

черными лишайниками; изъ подъ этихъ лишайниковъ тускло выглядываетъ кое-гдѣ изодранная синевато-пепельная кора; и поверхъ всего виситъ, точно траурный флеръ, густой слой длинныхъ, бородастыхъ ягелей.

Смотришь на эти траурныя декораціи, на эти разбросанныя повсюду кладбища лѣсныхъ труповъ,—и ясно видишь, что здѣсь предѣль лѣсной растительности и что дальше на сѣверъ по тундрѣ, ей уже нѣтъ больше пріюта; негдѣ уже стало укрыться ей за пригорками или по оврагамъ отъ холодныхъ вѣтровъ и бурь. Но чѣмъ ближе къ Камчаткѣ, тѣмъ смѣлѣе начинаютъ тянуться длинныя рощицы, тѣмъ стройнѣе и гуще растутъ по склонамъ горъ лиственницы и ели. Дальше уже синѣются на горизонтѣ темной полосой густые лѣса, и тутъ открывается совершенно шая картина. На душѣ становится какъ-то легче и отраднѣе. Тундра уже иногда только виднѣется между горъ длинными рубцами, или является въ видѣ отдѣльныхъ островковъ; горы же, напротивъ, сливаются плотнѣе въ непрерывныя цѣпи, и цѣпи эти, какъ отроги Станового хребта, дѣлаются выше и выше; и, вотъ, поднялся во всю свою величину Становой хребетъ; онъ прошелъ черезъ Камчатку съ сѣвера на югъ, вдоль по всему полуострову, разрѣзавъ его пополамъ, и уперся затѣмъ, точно лапами, тысячами отроговъ своихъ, съ одной стороны—въ Восточный

океанъ, а съ другой—въ Охотское море. Нѣтъ счета причудливымъ формамъ его высотъ, не подмѣтитъ глазъ всѣхъ разнообразныхъ его очертаній и линий. То вдругъ появится гора, точно скирдъ, то покажутся на какой-нибудь высотѣ большіе, остроконечные камни, точно уши; то выступятъ къ морю отдѣльно двѣ скалы, будто стоямя поставленныя лодки; то наконецъ встала гора кверху голымъ шатромъ, а снизу окаймилась рядами другихъ горъ, густо заросшихъ лѣсомъ. Есть на Камчаткѣ и такія горы, которыя вѣчно дымятся, и ихъ насчитываютъ до тридцати: одна пышетъ огнемъ, другая выбрасываетъ камни и пелель; иныя же ушли въ тучи,—и на нихъ лежитъ вѣчный снѣгъ; а есть и такія высокія горы, какъ напримѣръ Спочевская сопка, что въ ясный день видно ее вереть за триста. Перерѣзавъ такими-то горами Камчатку, Становой хребетъ выдвинулся скалистымъ мысомъ Лопаткой въ Восточный океанъ. На океанѣ-же, недалеко отъ мыса, онъ проглянулъ рядомъ острововъ, и закурилось по островамъ множество горъ, отчего русскіе и называли эти острова курильскими.

Не покрытъ Становой хребетъ густымъ, непролазнымъ лѣсомъ, что идетъ подъ названіемъ тайги въ Сибири, но рослый и красивый лѣсъ изъ лиственницы, ели, ольхи, рябины, осины, отойдя вереть на тридцать отъ холодныхъ сильныхъ береговыхъ вѣтровъ, дующихъ съ моря,—окаймился

породистой березой и приютить по своимъ чашамъ множество мелкихъ и крупныхъ звѣрей. Тутъ водятся медвѣди, олени, голубые песцы, горностап, росомахи; а пушистые мѣха Камчатскихъ лисицъ и соболей славятся въ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ открыта Камчатка. Въ камчатскихъ лѣсахъ мало также строевыхъ деревьевъ, но нигдѣ по всей Сибири не видать такого множества всевозможныхъ травъ. Высокія травы скрываютъ всадника, а различныя питательныя корни и всякаго рода ягоды растутъ и въ горахъ, и въ долинахъ, и между кустарниками. Луга-же около озеръ и рѣкъ такъ хороши, что въ иныхъ мѣстахъ можно собирать сѣно хоть по три раза въ годъ. Озерамъ, рѣкамъ и небольшимъ рѣчкамъ нѣтъ числа. Между горами повсюду извищаются ручьи; и бѣгутъ они въ море и океанъ, по направленію горныхъ отроговъ; рѣчки-же переполнены рыбою; и нѣтъ, какъ говорятъ путешественники, въ мірѣ другой страны, гдѣ-бы столько было превосходной и вкусной рыбы.

Богата также Камчатка множествомъ минеральныхъ источниковъ и ключей. Есть теплые, горячіе, холодные ключи; и по равнинамъ они бѣютъ въ такомъ количествѣ, что лѣтомъ нельзя бываетъ по суху ни пройти, ни проѣхать, а зимою они мѣшаютъ замерзанію рѣкъ. Есть ключи, которые бѣютъ фонтанами на футъ, на полтора въ вышину; есть и такіе, изъ которыхъ пдетъ одинъ густой паръ,—и такой густой, что черезъ него на раз-

стояннн семи сажень не видать человѣка; есть и громадныя жерла—сажени на три въ ширину, и въ нихъ кипитъ вода бѣлымъ ключемъ съ такой силой и съ такимъ шумомъ, что заглушаетъ человѣческій голосъ; есть, наконецъ, и возвышенности, откуда бѣетъ струями въ разныхъ мѣстахъ горячій паръ, а глубоко подъ землей слышится громкое клокотанье источника. Попадаются затѣмъ цѣлыя озера изъ источниковъ, встрѣчаются съ горячей водой цѣлыя рѣчки. Но ни пользуются этими богатствами ни дикари камчадалы, ни русскіе.

Дикари камчадалы, до появленія казака Атласова, жили въ этой благодатной странѣ, не зная даже скотоводства. Имъ вдоволь было для пищи той рыбы и тѣхъ звѣрей, которые изобильно водятся въ Камчаткѣ. Они ѣли при этомъ мучнистые сладкіе коренья и ягоды, и жили,—семьи по три, по четыре, а иногда и больше,—въ землянкахъ, или земляныхъ юртахъ, возлѣ рѣчекъ. Хотѣлъ кто отдѣлиться,—поселялся на другой рѣкѣ. Рѣка была главной и безраздѣльной собственностью тѣхъ, кто на ней жилъ. Далекое, вслѣдствіе этого, отстояли одни поселокъ, или, какъ называютъ ихъ въ Камчаткѣ, острожекъ отъ другого острожка. Уходя отъ морскихъ непогодъ, камчадалъ устраивается обыкновенно своимъ поселкомъ въ какомъ-нибудь густомъ тальникѣ, верстъ за тридцать, за сорокъ отъ моря. Не видать его земляной юрты, она точно холмикъ, только

что дымится; но кругомъ юрты стоятъ на огромныхъ столбахъ высокіе, деревяшныя, остроконечныя балаганы, и поселокъ издали кажется обстроеннымъ какими-то башнями. Хорошо чувствуетъ себя камчадалъ въ этомъ поселкѣ. Влѣзеть онъ въ свою земляную яму черезъ ту же дыру, откуда выходитъ дымъ, и ѣсть, усѣвшись у очага, вмѣсто хлѣба, свою любимую сушеную рыбу—юколу; ѣсть также сушеную икру съ ивовой и березовой корою, а тамъ у него запасены, и въ ямахъ, и въ балаганахъ, разныя квашеныя и сушенныя рыбы, разныя травы,—сарана, что вмѣсто крупъ служитъ, сладкая трава, квашеная трава, сушеный пирей, полевой чеснокъ или черемша; есть и лакомства,—орѣхи въ родѣ кедровыхъ изъ сланца, черемуха, боярышникъ и тому подобное.

— Много еще юколы отъ зимы осталось?—спрашиваетъ камчадалъ одну изъ своихъ женъ.

— Много,—отвѣчаетъ та; и толчетъ въ большомъ корытѣ, изъ котораго кормятъ и собакъ, березовую кору, листь пирей, сарану, жиръ, сухую рыбу; а потомъ, накаливъ до-красна на очагѣ каменья, бросаетъ эти каменья въ корыто, и варитъ такимъ образомъ камчадалское варево.

Камчадалъ облизывается, глядя на такое вкусное варево; а самъ, выбрасывая изъ юрты въ дымовую дыру недогорѣлыя головки, подумываетъ уже о свѣжей рыбникѣ,—подумываетъ о веснѣ.

Мечтаютъ о томъ же и камчадалки, сидя за рогожами въ юртѣ. Слышно, какъ онѣ сучать тамъ изъ кранивы нитки и торопятся доплетать рыболовныя сѣти.

Пора весны дѣйствительно настаетъ: холодныя сѣверныя и восточныя вѣтры стали стихать; проглянуль уже какъ-то разъ и свѣтлый денекъ. А только весной и бывають на Камчаткѣ свѣтлые дни. Стали эти дни чаще и чаще, солнце поднялось высоко и свѣтитъ уже такъ ярко, что камчадалы слѣпнутъ отъ блеска снѣга и надѣваютъ на глаза для защиты берестяныя сѣтки или очки. Быстро, наконецъ, отъ солнечныхъ лучей таетъ снѣгъ, быстро начинаютъ расходиться рѣки; и, почувявъ хорошую добычу, ползуть съ горъ стадами черныя и бурые медвѣди; бѣгутъ къ рѣкамъ и камчадалы, и стаи камчадальскихъ собакъ,— всѣ спѣшатъ полакомиться свѣжимъ лососками и гольцами. Отъ лососей-же вздувается рѣка,—точно живыми волнами кишить въ ней рыба, точно крупа въ жидкой кашѣ,—и, не выдержавъ напора, рѣка выстунаетъ изъ береговъ, заливая окружающіе луга и ямы. Медвѣди ловятъ рыбу лапами, собаки достаютъ зубами,—и такимъ незатѣйливымъ способомъ они ловятъ ее больше, чѣмъ въ иныхъ странахъ люди сѣтями и неводами. Медвѣди и собаки, при такой наживѣ, сосутъ одинъ мозгъ изъ рыбы, а туловище бросаютъ. Камчадалы-же бьютъ лососей баграми, ловятъ просто

руками и сотнями вытаскиваютъ, забрасывая сѣти. А сойдетъ весенняя вода, и по берегамъ и ямамъ столько загниваетъ рыбы, что воздухъ пропитывается этой заразой на далекое пространство. Камчадалы при ловлѣ тутъ-же пластаютъ лососей, чистятъ ихъ, сушатъ и квасятъ; но, едва успѣютъ покончить съ этой работой, какъ надо уже пересбираться на морской промыселъ къ морю. Тамъ, въ погонѣ за рыбами, вошли въ устье рѣкъ тюлени, а къ морскимъ берегамъ приплыли сивучи, бобры, бѣлухи и другіе жирные и большіе морскіе звѣри и рыбы. Тамъ у камчадаловъ есть лѣтніе травяные шалаши, есть также и высокіе деревянные балаганы; и, вотъ, забравши весь домашній скарбъ и оставивъ въ зимнихъ юртахъ одну какую-нибудь престарѣлую старуху, которая должна караулить балаганы отъ медвѣдей,—охотниковъ до готовой рыбы,—камчадальскій острожекъ переселяется весь къ морю.

Въ зимнихъ еще шубахъ, или куклянкахъ, сшитыхъ изъ оленьихъ или собачьихъ шкуръ, шерстью вверхъ, въ такихъ-же шапкахъ, въ родѣ русскихъ треховъ, въ кожаныхъ широкихъ штанахъ, въ сапогахъ, скроенныхъ изъ разныхъ тюленьихъ кожъ,—бредеть нѣсколько камчадальскихъ семействъ по горамъ, рѣкамъ и озерамъ. Гдѣ возможно плыть по рѣкѣ, ѣдутъ на ботахъ, то есть лодкахъ, а гдѣ нельзя,—перетаскиваются съ рѣки на рѣку, съ озера на озеро,